

Тина Арсеньева

Из цикла «Благослови мимоидущего»

На даче

Галине Мещеряковой

Вино и фрукты на столе,
В охвате тремоло сверчков,
И под откосами, во мгле,
Сверк нереидиных зрачков;

Гитары сбивчивый пролог
Стеснен среди звездных косяков;
И встречу губам – ответный вздрог
Слепых дурманящих цветков;

И этот сбивчивый, родной
О всепланетном толк – в глуши,
И тайный вздох: «*О, сад ночной!..*» –
Ночной – перст на устах – души.

Она из тех – еще налей!.. –
С лица земли сошедших мест,
Где сад в охвате тополей
И на заборе мой насест,

Где, одинокий часовой, –
Одна – подзвездно – навсегда! –
С закинутою головой
Вперяюсь: вот падет звезда –

Сорвется, как внезапный вскрик,
Как прочерк в списочном листе...
И кто-то в этот самый миг
Меня заметит в темноте.

Но мне постигнуть не дано,
Как взор сей пристален и прост:
Ведь я давным-давным-давно
Покинула мой райский пост...

Чем щедр был, чем отягощен
Тот сад – не помнится земле.
Мне весело. Взмахнув плащом,
Выводит ночь парад-алле.

Вино и хлеб – о, сих награда
С лихвой, чтоб сбить любую спесь.
Нет памяти о прежнем, брат.
Но уповаю: будет песнь.

Берег

И пошел отсчет последних дней
О медвяной Спасовой поре;
Мелкой дрожью рейдовых огней
Горизонт ответствует жаре.

Но ее заржавели тиски,
И шалашный рай идет на слом,
Где бульвара гулкие бруски
Метят бриз октановым числом;

Где геенны красное стило,
Очертив, обуглило слегка
Сросшиеся в синее крыло
Над колодцем солнца облака...

Спасовый успенья обиняк!
Бережный искус последних крох...
Душной ночью мчится молодняк
Урывать Эдема смертный вздох.

И поди ту песню оборви,
И смоги не знать наверняка,
Как недолги радости любви,
Но зато печали – на века...

* * *

Tw as so good to be young then
To be close to the earth
Now the green leaves of summer
Are calling me home...

Деревам грядет ризоположений
Время, но и в кроткой их поре
Тополь, скорбный страж царствия блаженных,
Руки ломит, вскинуты горе.

Сколько же блаженств, стоя на пороге,
Мне наплакал райский часовой!
Были небеса отчески нестроги
Над моей блажною головой.

Может, оттого все еще живая,
В упованье света – не огня,
Что, к Всесудие ветви воздевая,
Тополь слезно молит за меня.

Знать, от той поры песня, как вначале,
Дав охлёт секундам и часам,
Древо-утоли-дольние-печали
Взор мой притянуло к небесам.

Чтобы на веку, сколь ни правь, горбатом,
Натвердо окрепла бы земля,
Звонами лиясь и гудя набатом,
Небо раскачали тополя.

В сень сойдясь к столу, ладят поколенья,
Но в разгар торжеств и напролом,
Из скудельных – прочь – в вечные селенья
Тополь порывается крылом.

И когда твое сякнет упованье,
Тетивы не чувствует стрела, –
Слушай тополя: слушай отпеванье
Сей секунды, что уже – была...

* * *

Кому-то тракт, широк и позолочен,
Жизнь выстелит и даст в пути питье;
А я, глотая пыль ее обочин, –
Какого чуда жду я от нее?..

И что взяла у неба напрокат?
Какой в заплечной торбе сладкий кус?
Счета кукушки, таймеры цикад,
Горошка-пластуна валетный ус.

Не я одна – за мной таких гурьба
В пути, беспутных братьев и сестер:
Обочинными травами гульба
И с тракта совлекающий костер;

Надорванные наши голоса
В одном утверждены: иди, сынок!..
Над нами нараспашку небеса,
И каждый предстоит им одинок.

Отдаривая песней по дворам
И досадив ленивым сторожам, –
Свой камень возложив, оставлю храм,
Приставлена к полымным рубежам.

Я ни обид, ни денег не скопила,
Как первый крик, от смысла далека.
Я трын-трава, стрекучая крапива,
Что по канавам ищет родника,

Но, вверена лишь неба попеченью,
Росинку взвесит бережным листом...
А ты, по тракту и по назначенью
Мчаш, – осени прохожую крестом.

* * *

Давай же, сводничай, провайдер,
И если сбыться встрече пылкой,
То не в адажио Вивальди,
А за приятельской бутылкой.

Чтоб в залежь трезвостей плачевных,
Чей слой благонадежно косен,
Вошло смятенье, как в сочельник –
Последний выдох павших сосен.

Так кукольную несуразность
Вертепа с бойким зазывалой
Живит молитвенная праздность
Тоски по встрече небывалой.

Вот так из графика и сметы,
Из колеи, с резьбы, с катушек
Хвост неприкаянной кометы
Сатрапа выбьет и пастушек.

Сверчку, цикаде и прибою
Доверимся светло и сиро
В безумном праве быть собою,
Ничем не будучи для мира.

А мир, грозящий нагоняем,
Как водится, хватился поздно,
Ведь тот любовник несменяем,
С которым век пребудешь розно.

Хватило духу бы свирели,
Достало б жесткости у диска...
Так жаворóнок ночью трели
Излил на смертный одр Франциска.

Зажги сочельниковы свечи
И расколи броню ореха;
Вообрази возможность встречи,
Вокруг которой жизнь – прореха.

Прими вино и угощенье
В помин любовного страданья
И эту жизнь как обольщенье
Бессрочной грезой ожиданья.

Но в нем сокрыто изначально
Не о земле обетованье!
Вот почему всегда печально
Звезды вечерней волхвованье.

* * *

У честных керубов, должно быть, засохли чернила,
Которыми ябеду Богу на душу мою
Писали, – я мимо пыталась, но что-то манило;
Вблизи извертелась – уже на коленях стою;

Край ленты целую – смешно, что колени заныли!.. –
Вчера еще умница, ныне сама простота, –
Вчера еще паж, посвящаема в рыцари ныне,
На верность обет приношу к основанью креста.

Я, Господи, тайны взыскую – не чуда, не клада, –
Я ведаю силу смиренья и тщёты в борьбе, –
Но дух обкорнать, словно куст монастырского сада,
Мне вряд ли удастся, при всем послушанье Тебе.

Я горькое зелье, полынная веточка в храме;
Мой дар – вопрошанье, от века свободен и сир.
Исправь меня, Боже, как сбой во вселенской программе,
Когда Ты сочтешь, что поэт не исправил сей мир.

